
Роман Фролов
Стеклянная река
18+

Роман Фролов

Стеклянная река

«Автор»
2026

Фролов Р.

Стеклянная река / Р. Фролов — «Автор», 2026

Обычная томская пара — мастер производственного участка Роман и диспетчер Алёна — мечтает о ребёнке, но столкнувшись с бесплодием, неожиданно обнаруживает в себе сверхспособности: телекинез, ясновидение, эмпатию. Вместе с друзьями они узнают, что их род проклят древней сделкой с Пустотой — мистической сущностью, питающейся страхом. Чтобы снять печать и обрести будущего ребёнка, героям предстоит спуститься в подземелье, встретиться с душой тысячелетней шаманки и добровольно принести жертву. Но победа над тьмой оборачивается новым пророчеством... Сможет ли любовь сильнее древнего проклятия? Мистическая драма о семье, дружбе и выборе, который определит судьбу всего мира.

© Фролов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Роман Фролов
Стеклянная река

Глава

Глава 1. Дождь в чужом городе

Москва встречала дождём.

Томск в марте — это другое. Там снег ещё лежит плотным, грязноватым одеялом, воздух кусается, и Ушайка течёт подо льдом тёмная, неторопливая. А здесь — серая взвесь над Садовым кольцом, мокрый асфальт, отражающий огни, и миллионы людей, которые спешат по своим делам, даже не глядя друг на друга.

Роман Фролов стоял у окна гостиничного номера на двенадцатом этаже и смотрел вниз. Машины ползли, как жуки в янтаре. Он чувствовал себя чужим здесь, хотя бывал в Москве раз десять за свои тридцать пять лет. И каждый раз — одно и то же: шум, суета, ощущение, что ты всего лишь винтик в огромной бездушной машине. В Томске, конечно, тоже не рай, но там хотя бы можно выдохнуть. Там небо выше. Или кажется.

— Роман Николаевич? — раздался из коридора женский голос. — Вы уже здесь?

Он обернулся.

В дверях стояла женщина — невысокая, русая, с пучком волос, который норовил рассыпаться на отдельные непослушные пряди. На ней был тёмно-синий пиджак, немного мешковатый, и строгие брюки — стандартная униформа командировочного диспетчера. Но глаза... глаза были зелёные, с золотыми крапинками, и в них светилось что-то такое, от чего у Романа вдруг перехватило дыхание.

Он знал, кто это. Алёна Фролова? Нет, Алёна Юрьевна, диспетчер производства. Они работали в одной компании уже года три, но никогда не пересекались. Томск — он маленький город, но бывает так, что люди из одного здания на Ленина, 45, месяцами не сталкиваются в коридорах. Роман работал на участке сборки, она — в диспетчерской на четвёртом этаже. Разные графики, разные обеды, разные круги ада.

— Алёна Юрьевна? — спросил он, хотя знал, что это она. Взгляд уже всё сказал.

— Давайте на "ты", — она улыбнулась, и в уголках её глаз собрались тонкие лучики-морщинки. — Мы не в Томске. И вообще, я терпеть не могу "вы" в неформальной обстановке.

— Договорились. Роман.

— Я знаю. — Она вошла в номер, огляделась. — Ты тоже на обучение? Говорят, нас собрали со всей Сибири.

— И Дальнего Востока. — Роман кивнул. — Новую систему учёта внедряют. Будут мучить две недели.

— Две недели в Москве... — Алёна прошла к окну, встала рядом. — Кофе есть?

— Только растворимый. В тумбочке. Но я слышал, внизу бар.

— В баре шумно. — Она уже открывала ящик. — Растворимый — это лучше, чем ничего.

Она заварила кофе — два пластиковых стаканчика, пахнущие химией и ностальгией по настоящему зерну. Протянула один Роману. Пальцы их не соприкоснулись, но Роману показалось, что между ними пробежала искра. Может, от синтетики ковра. А может, нет.

Они стояли у окна и смотрели на дождь. Молчали. И это молчание было не неловким, а каким-то... правильным. Как будто они уже сто лет знают друг друга и всё уже сказано. Или ещё не время говорить.

Роман покосился на неё. Профиль у Алёны был острый, почти мальчишеский, но губы — полные, чувственные. Ему вдруг захотелось узнать, какой у неё смех. И насколько глубоко эти зелёные глаза могут смотреть.

Он не знал тогда, что это ощущение — не просто влечение. И не просто случайность.

Это был сбой в матрице. Шестерёнка судьбы, которая провернулась на один зуб и повела весь механизм в другую сторону.

Две недели пролетели, как один день.

Они сидели за одной партой в лекционном зале — администратор по ошибке (или не по ошибке?) распечатал список с фамилиями через одну букву. Роман Фролов, Алёна Юрьевна — и дальше другие люди. Всего тридцать человек из двенадцати городов. Но они с Алёной были единственными из Томска.

После лекций они ходили в маленькое кафе на Покровке, где подавали отличный тыквенный суп и кофе из зерен, которые обжаривали там же, в подвале. Говорили о работе — сначала только о ней. О нормативах, о планах, о дурацком начальнике, который требовал невозможного. А потом разговор свернул на детство, на родителей, на то, как Роман мечтал стать лётчиком, а стал мастером производственного участка. И как Алёна хотела рисовать, но пошла на экономический, потому что "художники не зарабатывают".

— А ты рисуешь? — спросил Роман однажды.

Она выдержала паузу. Потом достала телефон, нашла в галерее папку, закрытую паролем. Протянула ему. Роман листал и не мог оторваться. Это были акварели — дома, деревья, люди на остановках. Но не просто рисунки. В каждой работе было что-то неуловимое, какая-то тонкая вибрация жизни. Бабушка с авоськой казалась живой, собака у ларька — почти говорящей, а пейзаж томского Лагерного сада дышал тем самым уютным, щемящим воздухом, который Роман так любил.

— Ты это... в стол? — спросил он охрипшим голосом.

— В стол, — тихо ответила Алёна. — Никому не показывала.

Роман вернул телефон. Посмотрел на неё. И вдруг понял, что влюблён. Не так, как в юности — бурно, гормонально, с дурацкими стихами и готовностью переплыть океан. А по-взрослому. Тихо. Осознанно. Как будто нашёл то, чего не хватало всю жизнь, и даже не знал, что искал.

— Давай, когда вернёмся в Томск, встретимся? — сказал он. Голос дрогнул, и он мысленно выругал себя за эту дрожь.

Алёна улыбнулась. Снова те лучики-морщинки.

— Я думала, ты никогда не спросишь.

Они поженились через полгода.

Свадьба была маленькая — тридцать человек, банкетный зал ресторана "Славянский" на проспекте Ленина. Романовы родители прилетели из Новосибирска, Алёнины — из Красноярска. Но главными на этом празднике были друзья.

Штурман — он же Штайман Александр Олегович, тридцать семь лет на тот момент, грузчик с руками, которые могли разорвать мешок цемента пополам, но с душой такой тонкой, что Роман иногда завидовал. Они дружили с детства — с первого класса, когда Роман заступился за Сашку перед хулиганами во дворе школы № 16. Сашка был долговязым, смешным, с большими ушами и заиканием, которое прошло только к пятнадцати годам. А после того случая он сказал Роману: "Ты мой брат на всю жизнь". И сдержал слово.

На свадьбе Штурман плакал. Открыто, не стесняясь, утирая слёзы огромным кулачищем, на котором татуировка "Спаси и сохрани" смотрелась немного абсурдно. Он произнёс тост, в котором не было ни одного банального клише — только правда о дружбе, о верности и о том, как важно найти того, кто слышит тебя без слов.

Александр Зоркальцев — Саша, второй лучший друг — был свидетелем со стороны жениха. Он работал продавцом-консультантом в магазине электроники, знал всё о процессорах и материнских платах, но при этом читал Пастернака наизусть. Два его сына, Костя и Кирилл, тогда только-только пошли в школу, и Саша привёл их на свадьбу в крошечных костюмчиках. Мальчишки весь вечер бегали между столов, а Ольга, его жена, — моложавая, строгая женщина с зачёсанными в тугой пучок тёмными волосами — пыталась их угомонить. Не получалось.

— Ольга работает в банке, — шепнула Алёна Роману, когда они танцевали медляк. — Она мне нравится. В ней есть что-то... надёжное.

— Как в сейфе? — усмехнулся Роман.

— Как в доме, в котором всегда тепло.

Юля — Юлия, подруга Алёны ещё с института, сидела в углу и загадочно улыбалась. Всегда загадочно. Всегда как будто знала что-то, чего не знали другие. На вид — самая обычная женщина, чуть полноватая, с добрым лицом и очками в тонкой оправе. Но взгляд у неё был такой, что иногда становилось не по себе.

— Твоя Юля странная, — сказал Роман Алёне после свадьбы, когда они уже ехали в съёмную квартиру на Иркутской.

— Не говори ерунды, — ответила Алёна, прижимаясь к его плечу. — Она просто... видит больше, чем другие. И я не про зрение.

Роман тогда не придал значения этим словам.

Зря.

Первый год супружеской жизни был похож на долгую тёплую весну. Они снимали однушку на первом этаже хрущёвки на улице Алтайской. Ремонт был убитым — обои в цветочек, которые помнили ещё девяностые, скрипучий пол, батареи, которые грели то слишком сильно, то слишком слабо. Но Алёна превратила эту конуру в уютное гнездо. Развесила свои акварели (впервые — на людях, Роман настоял), поставила на подоконник герань, купила торшер с пыльно-жёлтым абажуром. По вечерам они зажигали его, ложились на старенький диван и слушали дождь. В Томске дожди бывают часто — затяжные, мелкие, какие-то... задумчивые.

Роман вставал в шесть утра, уходил на участок. Алёна — в восемь, её производственная диспетчерская находилась в соседнем корпусе. Иногда они виделись в обед в дешёвой столовой на цокольном этаже, брали суп и компот и говорили о ерунде. О том, кто кому нагрубил, какой заказ горит, у кого кот родил пятерых.

Им было хорошо. Так хорошо, что страшно.

— Знаешь, — сказала Алёна однажды ночью, когда они лежали в темноте и слушали, как громыхает мусоровоз во дворе. — Я раньше не верила в счастье. Думала, это выдумка для кино и книжек. А с тобой... я как будто выиграла в лотерею.

Роман поцеловал её в макушку. Пахло от неё яблоками и чем-то ещё неуловимым — может быть, весной. Или спокойствием.

— Я тоже не верил, — сказал он. — Но, наверное, бывают чудеса.

Он не знал тогда, что чудеса бывают разными. Не только светлыми.

Глава 2. Тень в полдень

Всё начало ломаться незаметно. Как трещина на стекле, которая сначала тоньше паутинки, а потом вдруг — бац! — и пошло во все стороны.

Деньги.

Проклятое слово. Роман зарабатывал шестьдесят две тысячи. Алёна — пятьдесят пять. На съёмную квартиру уходило восемнадцать. Коммуналка — ещё четыре-пять. Еда — десять-двенадцать. Оставалось около тридцати. Вроде бы немало. Но с каждым месяцем эти тридцать таяли, как снег весной. То холодильник сломается, то у Романа ботинки порвались, то Алёне нужно к гинекологу — а нормальный приём стоит две тысячи, не считая анализов.

Анализы. Это отдельная история.

Им хотелось детей. Очень. В первые месяцы они даже не задумывались об этом — просто не предохранялись, счастливые и наивные, думая, что "всё получится само". Не получилось.

Через полгода Алёна начала осторожно считать циклы. Ещё через три — купила тесты на овуляцию. Ещё через два — записалась к врачу.

— Всё нормально, — сказала ей врач, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами. — По анализам вы здоровы. Просто время нужно. Приходите через полгода, если ничего не изменится.

Пришли. Снова анализы. Снова "всё нормально". Но живот не рос. Тесты не показывали две полоски. Каждый месяц Алёна ждала чуда, и каждый месяц чуда не случалось. Кровь шла в назначенный день — аккуратно, пунктуально, как по расписанию.

Алёна начала плакать по ночам. Тихо, в подушку, чтобы Роман не слышал. Но он слышал. Конечно, слышал. Он же спал рядом, чувствовал, как её плечи вздрагивают, как дыхание сбивается.

— Всё будет хорошо, — шептал он. — Не торопи события.

А сам не спал. Глазел в потолок и думал о том, что время идёт. Ему тридцать семь, ей тридцать пять. Время — не бесконечный ресурс.

Алёна перестала рисовать. Забросила акварели, спрятала их в шкаф на антресоли. Когда Роман спрашивал, почему, она отмахивалась: "Некогда" или "Устала". Но дело было не в усталости. Дело было в той пустоте, которая разрасталась внутри неё с каждым отрицательным тестом. Как грибница под землёй — незаметно, но неумолимо.

Они стали чаще ссориться. По пустякам. Роман оставил кружку на столе — скандал. Алёна забыла купить хлеб — три часа дулись друг на друга. Ссоры были липкими, противными, похожими на болотную жижу. После каждой становилось только хуже, потому что оба понимали: виновата не кружка. И не хлеб. Виновата ситуация, в которой они бессильны. А вымещать ярость на пустоте нельзя — только друг на друга.

— Может, нам к специалисту по фертильности? — предложил Роман однажды за ужином.

— К какому ещё специалисту? — огрызнулась Алёна. — Врачи говорят, всё нормально. Значит, проблема не в физиологии.

— А в чём?

Она не ответила. Только посмотрела на него так, что Роману стало не по себе. В её глазах что-то промелькнуло — не злость, не отчаяние. Страх. Настоящий, древний страх, который не имеет имени.

— Что? — спросил он. — Алёна, что с тобой?

— Ничего. — Она встала, убрала тарелку. — Просто... иногда мне кажется, что кто-то не хочет, чтобы у нас был ребёнок.

— Кто?

— Не знаю. — Алёна отвернулась к плите. — Может, сама судьба. Или... не судьба.

Роман хотел сказать что-то ободряющее, но слова застряли в горле. Потому что в глубине души он чувствовал то же самое. Смутное, неоформленное ощущение, что против них работает что-то большее, чем неудачный цикл или стресс. Что-то тёмное, тягучее, как нефть. Что-то, что шевелится там, за гранью видимого мира.

Но он же взрослый человек, технический специалист, мастер производственного участка. Он не верит в такую чушь. Не должен верить.

Но верил.

По ночам Роман иногда просыпался от странного ощущения — будто кто-то стоит в углу комнаты и смотрит. Не враждебно, нет. Изучающе. Холодно и бесстрастно, как биолог рас-

сматривает жука на булавке. Роман открывал глаза — в комнате никого не было. Алёна спала рядом. За окном шуршали шины машин. Обычная ночь.

Но взгляд не исчезал. Он оставался там, в углу, призрачный и тяжёлый. Роман зажмуривался и считал до десяти. Открывал — взгляд уходил.

Алкоголя они почти не пили. Но в тот вечер, когда пришли результаты очередных анализов — идеальные, мать их, — Роман купил бутылку красного. Они сидели на кухне, молчали и пили. Алёна заплетала косу, распускала, заплетала снова.

— Я боюсь, — сказала она наконец. — Не того, что не получится. А того, что получится неправильно.

— Что значит "неправильно"?

— Не знаю. — Она отпила глоток. Вино оставило красный след на её губах — как будто она только что кого-то поцеловала. Или укусила. — Просто чувствую. Что если ребёнок родится, а я не смогу его полюбить? Или он будет не таким? Или случится что-то страшное?

— С чего ты взяла? — Роман взял её за руку. Пальцы были холодными.

— Не знаю. — Алёна снова повторила это "не знаю". И добавила тихо-тихо: — Сны снятся. Один и тот же сон.

— Какой?

Она помолчала. Потом выдохнула:

— Лестница. Тёмная, каменная, уходит вниз. Я спускаюсь, а вокруг стены влажные, и на них... надписи. Не на русском. И не на английском. Но я почему-то понимаю их смысл. Они зовут. Кого-то зовут. И я знаю, что если дойду до конца, то увижу то, от чего нельзя отвернуться.

Роман молчал. По спине пробежал холодок.

— Ты ходила к Юле? — спросил он.

— Зачем?

— Ну... она вроде как...

— Что — "вроде как"? — Алёна вдруг разозлилась. — Юля обычный человек, Рома. Мы в двадцать первом веке живём. Нет никаких мистических сил. Нет пророческих снов. Всё это — переутомление и невроз.

Она сказала это так, как будто сама себе приказывала поверить. Роман не стал спорить.

Но ночью он снова проснулся от взгляда из угла. И на этот раз ему показалось, что тень там шевельнулась.

Роман решил купить квартиру. Отчаянная, почти безумная идея в их финансовом положении, но он больше не мог смотреть на эти обои в цветочек и слышать, как соседи сверху каждую пятницу включают музыку на полную мощность. Своя квартира — это опора. Фундамент. Место, где можно укрыться от всего внешнего и заняться главным.

— Ипотека? — переспросила Алёна, когда он завёл разговор. — Ром, мы её не потянем. Первоначальный взнос — а у нас ни копейки. Потом ежемесячный платёж — минимум двадцать пять тысяч. Плюс коммуналка, плюс еда, плюс... на ребёнка копить нужно. Мы ж не отказываемся от этой идеи?

— Не отказываемся, — твёрдо сказал Роман. — Но если мы будем жить в съёмной однушке до пенсии, то ребёнка... нам будет некуда приводить.

— Ты прав, — неожиданно согласилась Алёна. — Но где взять деньги?

Роман взял подработку. По вечерам и в выходные — сборка мебели на заказ. Клиенты попадались разные: от милых старушек, которым нужно прикрутить полку, до олигархов, которые заказывали кухни за миллион и требовали идеала. Роман работал руками — умелыми, сильными, привыкшими к инструменту. За месяц он поднимал дополнительных пятнадцать-двадцать тысяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.